

ЭКСПРЕССИВНОСТЬ СИНТАКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ И ИХ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ В ПЕРЕВОДЕ РОМАНА ВЕРОНИКИ РОТ «ДИВЕРГЕНТ»

Научный доклад посвящен изучению сущности экспрессивности на примере перевода романа Вероники Рот «Дивергент».

В ходе изучения экспрессивности возникает много спорного и неясного в понимании его сущности. Экспрессивность – категория стилистики, лингвистики, литературоведения, искусствоведения, которая охватывает связи формальных, семантических, функциональных и категориальных единиц, выражает сознательное, целенаправленное, субъективное, эмоциональное и эстетизированное отношение говорящего к собеседнику, обладает функцией воздействия и служит для выделения, актуализации высказывания в процессе общения. Эта категория образует сложный соотносительный круг с категориями типа эмоциональности, стилистической окрашенности, выразительности, образности, коннотативности, эстетичности. В толковании экспрессивности важно и целесообразно различать упомянутые категории. Необходимость вытекает из того факта, что они часто используются как синонимы (особенно экспрессивность и эмоциональность, экспрессивность и стилистическая окрашенность), в чем и заключается основная проблема данной научной статьи.

Цель данной научной работы заключается в следующих **задачах**:

- раскрыть такой языковой феномен, как «экспрессивность», и выделить уровни экспрессивности;
- раскрыть сущность понятия «Экспрессия» и определить основные виды ;
- раскрыть основные теоретические подходы к изучению данного выразительно-изобразительного качества речи;

- выявить стилистические, морфологические и синтаксические способы и приемы достижения экспрессивного эффекта в текстах оригинала и перевода;
- рассмотреть функционирование этих приемов и средств в текстах оригинала и перевода.

Трудности интерпретации экспрессивности лексических единиц (ЭЛЕ) как категории в аспекте семантики связаны с разными причинами. Те признаки, которые порождают экспрессивность, относят к коннотативной части (коннотации) лексического значения слов. Экспрессивность лексических единиц стилистически маркирована. Дискуссию вызывает вопрос о статусе стилевого свойства ЭЛЕ: одни лингвисты выделяют стилистическую маркированность в качестве компонента значения ЭЛЕ, другие не относят его к значению, называя значимостью. Как известно, еще Ш. Балли, заложивший основы экспрессивной стилистики, ее предметом считал «экспрессивные факты языковой системы с точки зрения их эмоционального содержания, то есть выражение в речи явлений из области чувств и действие речевых фактов на чувства» [3, с. 216].

В языкознании существуют два толкования экспрессивности – узкое и широкое. При узком понимании экспрессивность отождествляется с оценочными свойствами речи, с эмфазой (дополнительными смысловыми оттенками, которые примешиваются к основным значениям). В широком понимании экспрессивность выступает как интеллектуально-чувственная речевая категория, содержанием которой является эмоциональная, оценочная, образная, поэтико-эстетическая, динамическая и стилистически окрашенная ее разновидности. «Категорию экспрессивности можно толковать широко (и это довольно распространённая трактовка экспрессивности) – включая в это понятие и такие категории, как эмоциональность, эмоциональная оценка, категория эстетического, – и узко, понимая под экспрессией особую выразительную силу, создаваемую такими категориями, как образность, художественность, интенсивность

(выражаемого признака, действия), новизна и др.» [5, с. 12].

Художественный образ экспрессивен, т.е. выражает идейно-эмоциональное отношение автора к предмету. Он обращен не только к уму, но и к чувствам читателей, слушателей, зрителей. По силе эмоционального воздействия изображение обычно превосходит рассуждение.

Об идейно-эмоциональной оценке автором изображаемых характеров свидетельствует прочно укоренившаяся традиция деления героев на «положительных», «отрицательных» и «противоречивых». Важнейшими видами идейно-эмоциональной оценки являются эстетические категории, в свете которых писатель (как и любой человек) воспринимает жизнь: он может ее героизировать или, напротив, обнажить комические противоречия; подчеркнуть ее романтику или трагизм; быть сентиментальным или драматичным и т.д.

Существует теория речи, разработанная в 1930-е годы немецким психологом и лингвистом К. Бюлером, который утверждал, что высказывания (речевые акты) имеют три аспекта. Они включают в себя, во-первых, сообщение о предмете речи (репрезентация); во-вторых, экспрессию (выражение эмоций говорящего); в-третьих, апелляцию (обращение говорящего к кому-либо, которое делает высказывание собственно действием) [4, с. 31–38]. Эти три аспекта речевой деятельности взаимосвязаны и проявляют себя в высказываниях различного типа по-разному. В лирическом произведении организующим началом и доминантой становится речевая экспрессия. Драма акцентирует апеллятивную, собственно действенную сторону речи, и слово предстает как своего рода поступок, совершаемый в определенный момент развертывания событий. Эпос тоже широко опирается на апеллятивные начала речи. Но доминирует в этом литературном роде сообщения о чем-то внешнем говорящему.

Категория экспрессивности относится к сложнейшим языковым категориям. Различают несколько уровней экспрессивности: графический, фонетико-фонологический, лексический, фразеологический,

словообразовательный, грамматический (морфологический и синтаксический), текстуальный. В данном исследовании мы опирались на труды И.В. Арнольд [1] и О.С. Ахмановой [2], в которых подробно описываются уровни экспрессивности.

Графическая экспрессивность возникает при использовании графем и их особой комбинации (например, знаков препинания). Сами буквы могут своей формой, размером, цветом, типом создавать экспрессию. Графическую образность вызывает также специальное деление высказывания на абзацы, строфы. Так возникают фигурные стихи (в форме треугольника, звезды, креста, сердца и т.п.). «Обычно графические средства направлены на передачу эмоциональной окраски, то есть чувств, которые писатель сообщает читателю, или эмфазы как общего специального увеличения усилий говорящего, особо подчёркивающего часть высказывания или подсказывающего наличие подтекста. Частично с этой целью читатель может ориентироваться на прямое описание, характеризующее тон как холодный или, наоборот, ласковый, шутливый или взволнованный, на манеру произнесения: “вскричал”, “пробормотал”, “произнёс холодно и отчётливо” и т.д.» [1, с. 244].

Б. Тошович выделяет следующие фонетические фигуры как основное средство фонетико-фонологической экспрессивности: ассонанс (повторение гласных, созвучие гласных звуков), аллитерация (повторение согласных), анафора (повторение звуков в начале), эпифора (повторение звуков в конце), контракция (сжатие), афереза (выпадение начального звука), апокопа (пропуск гласного в конце слова), синкопа (пропуск гласного между согласными), эпентеза (вставка), метатеза (перестановка звуков или слогов) и т.п. На этом уровне экспрессивность частично реализуется в рамках того, что называется фонетическим символизмом. Один из видов фонетико-фонологической экспрессивности выступает в форме эвфонии, или благозвучия [27, с. 231].

Лексическая экспрессивность представляет собой субъективно-

эмоциональное отношение говорящего к высказыванию, выраженное лексическими средствами. Существуют три типа лексической экспрессивности:

- лексико-категориальная экспрессивность – экспрессивность, создаваемая отдельными лексическими явлениями (категориями) – полисемическая, гиперонимическая, синонимическая, антонимическая, омонимическая, паронимическая, конверсионная;

- лексико-семантическая экспрессивность – экспрессивность, возникающая в лексико-семантических группах;

- лексико-лекральная экспрессивность – экспрессивность, порождаемая лексическими пластами определённых видов интровертной дифференциации языка (специолектальной, социолектальной, психолектальной, физиолектальной, темпоральной и т.д.).

Лексико-категориальная экспрессивность большей частью реализуется в рамках полисемантической экспрессивности, возникающей при использовании слов в переносном значении. Многозначность даёт возможность на базе одного значения использовать другое (то, что дано в высказывании, ассоциирует определённое внеконтекстуальное содержание). Наличие двух планов – реализованного и фонового – составляет основу тропной экспрессии (экспрессии тропов).

В.П. Григорьев выделял еще одну важную разновидность лексико-категориальной экспрессивности – синонимическую. Она возникает введением в высказывание слов идентичного или почти одинакового значения, но различного звучания. Синонимия является важным средством экспрессивности, так как при её помощи создаётся один из основных признаков хорошего стиля – разнообразие изложения, выражение мысли различными способами [8, с. 105].

Сознательное соотнесение двух или более слов одинакового звучания, но различного значения создаёт омонимическую экспрессивность. Взаимодействием слов противоположного значения получается

антонимическая экспрессивность (её радикальной формой является экспрессия, возникающая в оксюморе). Использование слов с похожим звучанием, но различным значением порождает паронимическую экспрессивность (в форме паронимазии, паронимической аттракции, паронимической рифмы и т. п.). Каждая лексико-семантическая группа слов обладает своеобразным экспрессивным потенциалом.

Лексико-семантическое разнообразие проявляется по-разному в функциональных стилях. Своё максимальное выражение оно получило в литературно-художественном стиле. Лексико-лектальная экспрессивность возникает в рамках лексических пластов и частей лексики, типичных для отдельных видов интровертной дифференциации языка. На этом уровне выделяются слова, используемые во всех лектах (разновидностях любой дифференциации языка) и без особой экспрессивности, обычно называемые нейтральными, или общеупотребительными. Вторую группу составляют слова более узкого употребления и с выраженной экспрессивностью. Для них характерны различные ограничения: в одном случае они принадлежат к письменной коммуникации (книжная лексика), в другом – являются элементами устной речи (разговорная лексика, коллоквиализмы). Некоторые лексемы используются в высоком, торжественном или официальном стиле, другие – в повседневной речи (в семейном кругу, в неформальной обстановке). Ограничения могут иметь и более широкие масштабы, приводящие к выделению общеупотребительных слов и слов, используемых только на определённой территории (диалектизмы), в языке отдельных социальных слоёв или групп (жаргонизмы), определённых профессий (профессионализмы, канцеляризмы) или отражающих низкий культурный уровень говорящего (вульгаризмы). Экспрессивность может возникать и в соотношении активный/пассивный запас лексики, причём экспрессия связывается, в первую очередь, с устаревшей лексикой (архаизмы и историзмы), словами для обозначения новых реалий (неологизмы), словами, ещё не ставшими «своими», то есть родными для конкретного языка

(варваризмы), а также отражающими культуру определённого народа (экзотизмы) [27, с. 235]

Фразеологическую экспрессивность порождают особые фразеологические единицы или фразеологические единицы с особым употреблением. Яркую экспрессивность создают индивидуальные трансформации фразеологизмов: «Деформация идиом есть фигура речи, состоящая в разрушении семантической монолитности фразеологического сращения, в оживлении составляющих её слов как самостоятельных единиц» [2, с. 23]. Основным результатом таких преобразований заключается в достижении комического, сатирического или иронического звучания за счёт компрессии информации. Фразеологизмы, как единицы вторичного образования, создаются для конкретизации и, что особенно важно, для образно-эмоциональной оценки предметов и явлений, уже названных в языке. Фразеологические единицы обладают разной степенью выразительности. Существует группа экспрессивно-эмоциональных фразеологических единиц, к которым относятся идиомы, пословицы и поговорки, крылатые слова и выражения и т.д. Этот тип фразеологизмов широко употребителен в разговорно-бытовой речи, в языке художественной и публицистической литературы. По эмоционально-экспрессивной окраске фразеологизмы можно разделить на группы высокого и сниженного стилистического тона, внутри этих групп существует большая дифференцированность различных оттенков фразеологизмов (иронических, шуточных, небрежных, торжественных и т.п.).

Словообразовательную экспрессивность создают словообразовательные средства, т.е. аффиксы (префиксы, префиксоиды, суффиксы, суффиксоиды, постфиксы, инфиксы), особенно словообразовательные модели и типы. Значительным экспрессивным потенциалом обладают части речи – в первую очередь имена существительные, глаголы и имена прилагательные.

Синтаксическую экспрессивность создают синтаксические формы,

синтаксические единицы и особенно стилистические фигуры, эмоциональные конструкции (возвратные и восклицательные предложения), эллиптические предложения, избыточные синтаксические сочетания, длина синтаксиса, рематическая организация предложения (порядок слов, инверсия) и т.п. синтаксическая экспрессивность настолько широка и разнообразна, что развилось особое грамматико-стилистическое направление – экспрессивный синтаксис.

В своем произведении «Дивергент» Вероника Рот использует синтаксические конструкции, которые имеют экспрессивные коннотации. В следующем примере, который идет автор применяет оборот «there is», который звучит более выразительно, чем предложение с прямым порядком слов:

«THERE IS ONE mirror in my house» [11, с. 1].

«В моем доме всего одно зеркало» [10, с. 5].

В переводе обстоятельство вынесено на первое место. Фактическое подлежащее поставлено в конец, являясь ядром высказывания русского предложения, что позволяет говорить о сохранении экспрессивности в языке перевода.

В следующем предложении можно видеть два подчиненных анафорических предложения, которые связаны между собой с помощью союза «and»:

«I note how calm she looks and how focused she is» [11, с. 1].

«Я замечая, какой спокойной она выглядит, насколько она сосредоточенна» [10, с. 5].

В переводе анафоричность и сочинительный союз не переданы. Подчиненные предложения идут друг за другом, через запятую. Экспрессивность отчасти передается порядком слов подчиненных предложений и повторением личного местоимения «she».

Экспрессивность содержится и в отрицательно-вопросительных предложениях, примером которых может служить такая синтаксическая

конструкция:

«Why doesn't she reprimand me for staring at myself?» [11, с. 1].

«Почему она не выговаривает мне за то, что я смотрю в зеркало?» [10, с. 5].

В переводе отрицательная форма глагола сохраняется. Герундиальный оборот передается на русский язык с помощью придаточного дополнительного предложения. Глагол «reprimand» на русский переведен более разговорным вариантом «выговаривать». В целом, можно сделать вывод, что экспрессивность в этом предложении сохранена.

Экспрессивность в этом предложении достигается за счет асиндетона и анафорического повторения:

«And tomorrow, at the Choosing Ceremony, I will decide on a faction; I will decide the rest of my life; I will decide to stay with my family or abandon them» [11, с. 1].

«А завтра, на Церемонии выбора, я решу, в какую фракцию вступить; я определю всю свою будущую жизнь; я решу, остаться с семьей или покинуть ее» [10, с. 5].

В переводе бессоюзие сохраняется, что нельзя сказать об анафоре. Во втором случае вместо слова «решить» используется синоним «определить», который сводит на нет этот стилистический прием.

Парантеза применена в таком предложении:

«The building that was once called the Sears Tower — we call it the Hub — emerges from the fog, a black pillar in the skyline» [11, с. 2].

«Здание, которое когда-то носило название Сирс-тауэр – мы называем его «Втулкой», – выплывает из тумана, черный столб на горизонте» [10, с. 6].

В переводе парантеза сохраняется. Один из элементов этой стилистической конструкции «the Hub» передается в кавычках «Втулка».

Такая же ситуация наблюдается и в следующей синтаксической конструкции:

«I should wonder what courage — which is the virtue they most value — has

to do with a metal ring through your nostril. Instead my eyes cling to them wherever they go» [11, с. 3].

«Я должна недоумевать, какая связь между смелостью – добродетелью, которую они ценят превыше всего, – и металлическим кольцом в носу. Вместо этого я не могу отвести от них глаз» [10, с. 7].

При передаче переводчик сохраняет парантетическое внесение. Имеет место изменение порядка слов. Союз «which» при переводе не используется в русском предложении там, где он стоит в английском. Но потом союзное слово «которая» употреблено для ввода придаточного определительного предложения «добродетелью, которую они ценят превыше всего».

Также в оригинальном тексте автор использует экспрессивные синтаксические конструкции с тире, примеры которых вместе с переводами вынесены в Таблицу 1.

Таблица 1

**Экспрессивные синтаксические конструкции с тире в произведении
«Дивергент» Вероника Рот**

I sneak a look at my reflection when she isn't paying attention — not for the sake of vanity, but out of curiosity [11, с. 1].	Пока она не смотрит, я украдкой бросаю взгляд на свое отражение – не из тщеславия, а из любопытства [10, с. 5].
In my reflection, I see a narrow face, wide, round eyes, and a long, thin nose — I still look like a little girl, though sometime in the last few months I turned sixteen [11, с. 1].	В стекле отражается узкое лицо, большие круглые глаза и длинный тонкий нос – я по-прежнему похожа на ребенка, хотя несколько месяцев назад мне исполнилось шестнадцать [10, с. 5].
On these mornings when my brother makes breakfast, and my father's hand skims my hair as he reads	В такие утра, когда мой брат готовит завтрак, когда рука отца ерошит мне волосы, пока он читает

the newspaper, and my mother hums as she clears the table — it is on these mornings that I feel guiltiest for wanting to leave them [11, с. 1].	газету, а мать напевает себе под нос, убирая со стола, – в такие утра мне особенно стыдно, что я хочу их покинуть [10, с. 5].
The Candor man wears a black suit with a white tie — Candor standard uniform [11, с. 2].	На правдолюбие черный костюм с белым галстуком – стандартная униформа Правдолюбия [10, с. 6].
I can tell by the constant shift of his eyes that he is watching the people around us — striving to see only them and to forget himself [11, с. 2].	По непрестанному движению его глаз понятно, что он наблюдает за окружающими – старается видеть только их и забыть о себе [10, с. 6].
It is likely that we will not walk these halls again after the Choosing Ceremony — once we choose, our new factions will be responsible for finishing our education [11, с. 2].	Вероятно, после Церемонии выбора нам больше не придется ходить по этим коридорам: как только мы примем решение, нашим образованием займутся наши новые фракции [10, с. 6].
I could tell him I’ve been worried for weeks about what the aptitude test will tell me — Abnegation, Candor, Erudite, Amity, or Dauntless? [11, с. 2].	Я могла бы сказать ему, что много недель переживаю из-за того, что покажет проверка – Альтруизм, Правдолюбие, Эрудицию, Товарищество или Лихость [10, с. 6].
This sort of thing has been happening to others in my faction for months now — the Erudite have been releasing antagonistic reports about Abnegation, and it has begun to affect the way we relate at school [11, с. 3].	Подобные случаи происходят с членами моей фракции уже несколько месяцев: Эрудиция издает враждебные отчеты об Альтруизме, и это начало влиять на отношения в школе [10, с. 7].

Анализируя материал в Таблице 1, можно сделать вывод, что автор

перевода, в основном, сохраняет оригинальную конструкцию с тире. Из 8 предложений, которые находятся в таблице, при передаче 6 сохранено присутствие синтаксической конструкции с тире. В двух остальных случаях используется двоеточие, что тоже позволяет передать экспрессивность при переводе.

Исходя из вышеизложенного исследования, делаем вывод, что традиционно, в интерпретации стилистики, экспрессия основывается на взаимодействии эксплицитного и имплицитного смыслов лексической единицы, словосочетания, одного или нескольких предложений, в основе которых лежит столкновение положительной и отрицательной коннотаций.

Способы выражения авторского отношения различаются в зависимости от личности автора, коммуникативной ситуации, разновидности текста и т.д. При всем разнообразии положительных и отрицательных оценочных смыслов только экспрессивность синтаксических единиц представляет собой скрытый подтекст. В языковом сознании исследуемого автора, В. Рот, отражается весь спектр семантически наполненных оттенков смысла и разновидностей экспрессии.

Перспективы данной работы заключаются в том, что результаты исследования могут быть полезны для начинающих переводчиков и студентов языковых ВУЗов, поскольку они будут осведомлены об основных трудностях и проблемах, возникающих при переводе художественных текстов. Также выводы и результаты данной работы могут быть использованы на практических занятиях в курсе лекций по зарубежной литературы.

Список использованной литературы

1. Арнольд И. В. Стилистика. Современный английский язык: Учебник для вузов. — М.: Флинта: Наука, 2002. — 384 с.

2. Ахманова О.С. Курс практической стилистики современного английского языка. — М.: Изд-во Моск. Ун-та, 1978. — 157 с.
3. Балли Ш. Французская стилистика: пер. с фр. — 2-е изд., стер. — М.: [Либроком](#), 2009. — 394 с.
4. Бюлер К. Теория языка. Репрезентативная функция языка. — М.: Прогресс, 1993. — 501 с.
5. Виноградов В.В. Избранные труды. Лексикология и. — М.: Наука, 1977. — 318 с.
6. Гальперин И.Р. Очерки о стилистике. — М.: Изд-во литературы на иностранных языках, 1958. — 462 с.
7. Гомлешко Б.А. Языковые средства выражения иронии в художественных текстах Джона Голсуорси: лингвопрагматический аспект (на материале языка романа «Сага о Форсайтах»): дис. кандидата филологических наук: 10.02.19. — Краснодар, 2008 — 162 с.
8. Григорьев В. П. Лингвистика и поэтика. — М.: Наука, 1979. — 309 с.
9. Тошович Б. Экспрессивный синтаксис глагола русского и сербского/хорватского языков. — М.: Языки славянской культуры, 2006. — 560 с.
10. Рот В. Дивергент. Пер. с англ. А. Киланова. — М.: Эксмо, 2014. — 50с.
11. Roth V. Divergent. — New York: Katherine Tegen Books, 2012 — 150 p.